

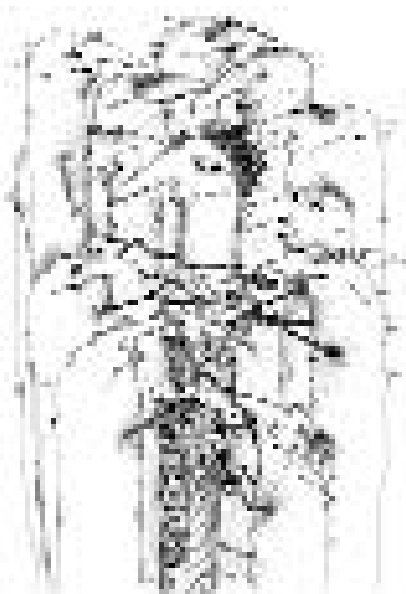
И. Климов

Социальный запас знания

Хотим мы этого или не хотим, нам постоянно приходится сталкиваться с проблемой – как отличить “знание” от того, что лишь только им выглядит: предубеждение, фобия, “авторитетное мнение”, в котором, кроме авторитетности его носителя, ничего нет. Мы часто задаемся вопросом: насколько компетентен человек в том, о чем он говорит, пытаемся распознать зоны его компетентности и одновременно – сверяем его компетентность со своей. Тем самым одним из атрибутов нашей жизни, нашего общения оказывается постоянное, иногда осознаваемое, иногда нет, интеллектуальное упражнение, смысл которого состоит в том, чтобы различать два рода знания: экспертное и профанное. Одно представляется обоснованным, имеющим отношение к “реальности”, а другое – нет; одно мы готовы осваивать и принимать во внимание, а другое предпочитаем игнорировать. Вроде бы все правильно.

Только что-то внутри нас всякий раз начинает протестовать, когда речь заходит о “власти интеллектуалов”, и мы почему-то с готовностью соглашаемся, что меритократия – не самый лучший принцип общественного устройства.

Видимо, потому, что интуиция нам подсказывает: в обществе есть знание какого-то *особого рода*, более реальное и более фундаментальное, чем лабораторные теории и концепции. Оно представляется нам иногда неповоротливым, в чем-то – мифологичным и неполным, но безусловно – жизненным и связанным с “житейской мудростью”. Оно позволяет людям чувствовать, что они живут друг с другом и друг для друга, а не для правоты формальной логики и непротиворечивости концептуальных построений. *Социальный запас знания* – такое понятие для обозначения этого особого-рода-знания предложили социологи Питер Бергер и Томас Лукман.

Человек с улицы обладает практическим знанием во многих областях, это знание рецептов того, как в типичных ситуациях добиваться типичных результатов типичными средствами.

Рецепты предписывают процедуры, которым можно доверять, даже если они не доступны ясному пониманию.

Это знание, при всей его неопределенности, все же достаточно для данной практической цели. В вопросах, не связанных с практическими целями, человек руководствуется своими чувствами и страстями.

Под их влиянием он создает множество убеждений и неясных мнений, на которые опирается до тех пор, пока они не противоречат его стремлению к счастью.

Альфред Шютц

Знание “мое” и “наше”

Знание человека о мире – это всегда знание о том, *кто мы* в этом мире. Это значит, что на характер получаемого знания и на сам процесс его получения большое влияние оказывают характеристики, черты и свойства, имманентно присущие нашему мышлению и нам как существам человеческим. И самая главная наша особенность состоит в том, что человек, по выражению Аристотеля, суть “общественное животное”. То есть наше знание имеет социальную природу и несет на себе отпечаток того общества и того времени, которыми было порождено. Это утверждение – перифраз одного из базовых тезисов *социологии знания**: знание – есть функция от человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого оно возникает.

Любой человек, любой социализированный член общества в известном смысле является вполне компетентным “социальным теоретиком”. Люди в своей повседневной жизни ведут “рефлексивный мониторинг действия” – осуществляют оценку и интерпретацию всех ситуаций и условий, в которых им приходится жить и действовать [Гидденс Э. 2003. С. 43–44]. Повседневная реальность принципиально открыта для обобщений и интерпретаций, служит источником значений и смыслов и самое главное – имеет для любого человека субъективную значимость в качестве цельного и субъективно непротиворечивого мира. Люди накапливают биографический и исторический опыт и с помощью целого ряда механизмов определяют, что должно быть забыто, а что следует сохранить в памяти. Альфред Шютц объяснял возникновение обыденных теорий механизмами *повседневной типизации*.

Каждый шаг нашего истолкования мира повседневности основан на запасе прошлого опыта – как личного, так и других людей, переданного родителями, учителями и т.д. Весь этот опыт превращается в определенную схему, в определенное единство в форме запаса знания, которое помогает на каждом шагу человеку в интерпретации мира. Так что предметы и события в жизненном мире с самого начала предстают в своей типичности [Шютц А. 1988. С. 129]. Создать типизацию означает найти смысловую связь накопленного опыта и некоторой проблемы, которую требуется решить: надевать теплые ботинки или не надевать, если за окном идет снег; давать деньги в долг соседу-пьянице или не давать; требовать ли, чтобы тебе выплатили зарплату, поскольку “от каждого по способности – каждому по труду”, или же не провоцировать конфликт, поскольку “всем сейчас тяжело”? В результате такого рода процессов, как показывает Т.А. ван Дейк, рождаются “ситуационные модели” [Дейк Т.А. ван. 2000. С. 82]. Это не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, *личностные знания*, в которых аккумулированы личный опыт, жизненные установки и намерения, чувства и эмоции. И самое главное в этом наборе – категории языка, слова, понятия, интерпретирующие схемы, которые используются человеком не только для описаний, но и для понимания ситуаций: люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о своих субъективных моделях явлений и ситуаций действительности.

Типизации, обыденные теории и повседневные идеологии могут затрагивать проблемы разного масштаба, но вместе они складываются в более или менее субъективно непротиворечивую картину мира. В результате такого накопления составляет социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни. Любой человек знает, что другие разделяют по крайней мере часть этого знания и “они знают, что я это знаю”. Рефлексивная по своей природе (т.е. создаваемая размышлениями и впечатлениями человека от происходящего вокруг него) картина мира поддерживает “прозрачность” общественного устройства, определенность и привычность контекстов действия, в которых оказыва-

* Эта отрасль социологии изучает все то, что считается в обществе “знанием”, а также развитие критериальных систем, обосновывающих знание и отличающих его от не-знания.

ется человек. Это знание организовано не как жестко алгоритмизированная система, а как стратегически рефлексивная процедура, опирающаяся на определенные формы мышления, языковые категории и постоянно обновляемые навыки социального познания. Социальный запас знания предоставляет тем самым не только *знания как таковые*, но также и *средства интеграции* разрозненных элементов моих личных представлений, заблуждений, сведений, планов и намерений. Другими словами, “то, что знает каждый” имеет свою логику, и ее можно использовать для упорядочения разных вещей, которые мы знаем [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 75]. Для этого необходимо умение *работать* с запасом знания, и сделать его доступным помогают разные стратегии его *объективации*.

Объективация опыта и социальное распределение знания

Любой человек, живущий в обществе, является социальным исследователем. Он выступает в этом качестве всякий раз, когда задает своим собеседникам вопрос: “А как ты думаешь?”, или “Что бы ты посоветовал?”, или “Почему ты так считаешь?” Умение задавать вопросы, а главное – желание это делать, являются фундаментальным навыком среди других многообразных приемов социального познания. Когда я задаю вопросы, я ищу не только знания, но, что более важно, – я обращаюсь за *нормами мышления*, за образцами того, как другие люди поступают в ситуациях, похожих на мою, на основании каких рассуждений, доводов, опыта они принимают одно решение, а не другое.

За этими вопросами, точнее – за самим фактом их задавания, скрываются два очень важных обстоятельства, понимание которых, даже если и не в явном виде, присутствует в поведении и действиях любого человека.

Во-первых: *знания других людей принципиально поддаются объективации*.

Мое знание повседневной жизни, мое знание общества определяется, с одной стороны, моими непосредственными намерениями и проектами действий (навык обращения с банковской карточкой я получаю не потому, что решил научиться этому в принципе, а потому, что мне на нее перечислили зарплату), а с другой стороны – всей моей ситуацией в обществе (в шахтерском поселке, где зарплаты задерживали по полгода, банковская карта выглядела неуместным атрибутом чужого мира). То есть мое знание организовано в понятиях релевантностей – вещей, ситуаций, явлений и даже слов, обладающих для меня статусом объективных, поскольку они имеют непосредственное отношение к моей жизни здесь и сейчас. Но это – только половина дела.

Питер Бергер и Томас Лукман, занимавшиеся разработкой идеи социального конструирования реальности, показали, что любое взаимодействие между людьми основано на проведении аналогий между “мной” и “другими”. Я знаю, что другие люди также строят типизации, исходя из своего повседневного опыта, что они также организуют этот мир вокруг “здесь-и-сейчас” их бытия и имеют свои проекты повседневных действий в нем, а также, что “у других людей есть своя перспектива на наш общий мир, не тождественная моей: мое “здесь” – это их “там”, мое “сейчас” не полностью совпадает с их, что мои проекты не только отличаются, но могут даже противоречить их проектам” [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 43–44]. На основании таких аналогий каждый человек получает очень важное для себя знание: у людей, с которыми он общается и живет, есть *общее со мной понимание окружающей реальности*, есть общие слова и языковые категории, которые *постоянно имеют общее значение*. То есть знание человека о мире – это не только знание о том, с чем он постоянно имеет дело, но и *знание релевантных структур* других людей и *умение их выявлять*, сверяя со своими собственными.

Во-вторых: *знание в обществе социально распределено*, то есть разные индивиды и даже социальные типы индивидов обладают им в различном объеме.

Мое знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Однако, поскольку во многом мои релевантные структуры пересекаются с релевантными структурами других, есть вещи, “интересующие” нас взаимно, и нам есть что сказать друг другу. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей.

Питер Бергер, Томас Лукман

Строго говоря, утверждать, что индивид мыслит, вообще неверно. Вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он обнаруживает себя в унаследованной ситуации и пытается разработать унаследованные типы ответа [на нее] или же заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, появляющиеся вследствие преобразований данной ситуации.

Карл Мангейм

Очень часто то, что представляется очевидным мне, оказывается не само собой разумеющимся для другого. И дело здесь не только в естественной ограниченности знания и опыта, хотя действительно “нельзя знать всего”. Каждый человек действует на основании уникальных мотивов, побуждений и намерений, которые в значительной мере определяют зоны очевидности. Так, например, родителю очевидно, что ребенку нужно сделать уроки по математике, поскольку от этого, по большому счету, зависит его будущее. А вот ребенку очевидно обратное, т.к. он знает, что учитель заболел и завтра контрольной не будет. В этом примере родитель и ребенок существуют в *разных социальных ситуациях*, и оценить их правоту или неправоту, понять принципы мышления можно лишь в связи с их жизненными и социальными обстоятельствами.

То же самое характерно для социальных групп и обществ. Карл Мангейм, с чьим именем связывают развитие социологии знания, писал, что человека лишь условно можно считать свободно и самостоятельно мыслящим. “Он говорит языком своей группы, он мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом... Он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него” [Мангейм К. 1994. С. 8–9]. То есть в процессе обучения, освоения культуры и социального научения человек усваивает не только общедоступное знание, но также исторический и социальный опыт “своей” группы, ее язык, знания о ее ресурсах и, конечно же, нормы мышления. При этом некоторые сегменты социального запаса знания остаются в тени. Например, я знаю, что люди как-то выживают в условиях Крайнего Севера и в раскаленных солнцем пустынях, но я не знаю, *как именно* они это делают: *мое* знание организовано вокруг моих релевантностей. “Мое знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота” [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 77].

Таким образом, социальный запас знания представляет собой коллективное накопление опыта, в котором совмещаются личные знания индивидов, ситуативно-историческое знание социальных групп и, естественно, особенности исторического развития социальной структуры общества, интеллектуальной и ментальной динамики разных его сегментов. В любом случае знание не скрыто для меня за глухими заборами чужой субъективности и не спрятано за крепостными стенами социальной иерархии. Я задаю вопросы – и это мой базовый познавательный навык. Я признаю (или предполагаю) компетентность другого и прошу объективировать ее, перевести в область интересубъективного – и это моя базовая исследовательская стратегия. Это обстоятельство – общая причастность к доступному социальному запасу знания – оказывает огромное влияние на повседневную жизнь каждого индивида. Его участие в обществе перестает быть индивидуалистическим проектом: знания определяют поведение человека в повседневной и привычной жизни, одновременно – сообщают уверенность и понимание, с чего начать в ситуациях нестандартных и непривычных, и, кроме того, дают надежду на то, что опыт мышления не оставит его беспомощным в условиях чрезвычайных и неожиданных.

Методом проб и ошибок

Значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем. Точнее было бы говорить не “проблем”, а “задач”, т.к. проблема, для которой у меня есть правильное решение, не является таковой в чис-

том виде. Но что происходит, когда мы сталкиваемся с задачей, решения которой мы не знаем или же имеющееся решение нас не удовлетворяет? Поможет ли нам в этом случае наш “коллективный багаж”?

Любой человек, живущий в обществе, является экспериментатором. Мы экспериментируем с социальными ролями: в юности мы примеряем на себя образы “настоящего мужчины” и “настоящей женщины”, в пору профессионального определения – образы “человека профессии”, да и потом мы постоянно решаем, становиться ли “вкладчиком”, быть ли “гражданином”, и более того – “лояльным” или же “бунтарем”, и т.д. Мы экспериментируем с социальными практиками: как дать взятку, как проскочить на экзамене, как оформлять наследство, получать водительские права, устраиваться на работу и т.д. Больше того, и это является основным, мы экспериментируем с нормами и правилами, проверяем границу дозволенного и неприемлемого. (Могли бы потребовать выплаты причитающейся мне зарплаты без того, чтобы меня уволили? Могли бы украсть без того, чтобы меня посадили?) Очень часто у людей нет ответов на возникающие вопросы, и решение проблем/задач происходит методом проб и ошибок. Итог, положительный или отрицательный, всегда рождает *знание* – “уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими (устойчивыми и свойственными именно им. – И.К.) характеристиками” [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 9]. Знание рождается из опыта и из моих обыденных типизаций и обобщений. К примеру, меня остановил гаишник – проблема. Удалось договориться, “разойтись миром” – удачный эксперимент. Обменялся впечатлениями – получил основания для обобщений. В результате рождается *теория* относительно этой области социальной жизни, она не претендует на доказательность и логическую выдержанность, но является лаконичной (отлитой, например, в анекдоты), жизненной (основанной на опыте) и действенной (я знаю, как следует поступать в будущем).

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, обычный человек – не философ, не студент, готовящийся к экзамену, – в своей повседневной жизни не затрудняет себя вопросами, что же для него “реально” и что он “знает” – до тех пор, пока не сталкивается с проблемой того или иного рода. Проблемы, безусловно, возникают в незнакомых областях (и там я либо пускаюсь в экспериментирование, либо прибегаю к услугам носителей экспертного знания), однако и привычный для меня мир, типичные ситуации могут обернуться большими неожиданностями. Например, мое ветеранское удостоверение всегда помогало мне не стоять в очереди и относительно просто решать множество других проблем. И вдруг я сталкиваюсь с враждебностью в свой адрес – сначала раз, потом другой, а потом все чаще. И в моем знании появляются уточнения: а) мое “старое” знание уже не релевантно действительности, так как б) сама действительность изменилась и в) в ней действуют другие правила.

Социальный запас знания, будучи явлением надындивидуальным, тем не менее содержится и обновляется благодаря огромной армии отдельных “теоретиков”, “исследователей” и “экспериментаторов”, от чьего пытливого внимания не укрывается ни один мало-мальски важный нюанс жизни, кто составляет сложные понятийные схемы, обсуждает и оптимизирует рецепты, приемы и стратегии. Карл Поппер говорил об эволюции знания как о построении все лучших теорий, все более приспособленных к тому, чтобы объяснять и по возможности прогнозировать жизнь человека в этом мире, в постоянно сменяющихся друг друга контекстах и ситуациях [Поппер К. 2000. С. 58]. “Все организмы постоянно решают проблемы”, – утверждает он, но люди отличаются тем, что догадываются о существовании “зазора” между областью *объективных* проблем и областью *осознанных* проблем (я задаю вопросы – и тем самым признаю, что чего-то относительно волнующей меня ситуации не знаю). Соответственно, этот “зазор” и осознание его людьми порождают особую стратегию решения проблем – методом проб и ошибок: осознание проблемы стимулирует развитие решений, за реализацией которых следует устранение ошибок и осознание но-

**Не сотворенное никем
в отдельности, общество
производится
и воспроизводится чуть ли не
с нуля участниками
социального события.
Оно возможно лишь потому, что
каждый член общества
является практикующим
социальным теоретиком:
осуществляя всякого рода
взаимодействия, он обычно
обращается к своим знаниям
и теориям; и именно
использование этих
практических ресурсов есть
условие осуществления
взаимодействия вообще.**
Энтони Гидденс

Уже сам факт, что люди вообще теоретизируют, является доказательством того, что их псевдосреда, их внутреннее представление о мире являются определяющим моментом в их мышлении, чувствах и действиях. Ведь если бы отношение между действительностью и человеческой реакцией на нее было прямым и непосредственным, а не опосредованным и производным, сомнения и ошибки были бы невозможны.
Уолтер Липпман

вой ситуации и новых проблем. Так рождаются не только знания, определяющие поведение в повседневной жизни, но также формы мышления, принципы принятия решений, и все вместе складывается в картину мира, имеющую “теоретические” обобщения и экспериментальную подтвержденность.

Pro et contra

Любое понятие – не важно, поставляемое “высокой теорией” или же выработанное обыденным языком, позволяет нам именовать сущности и явления, а следовательно, различать их, распознавать в калейдоскопе жизни, в потоке феноменологически единых впечатлений. Одновременно с этим слова и понятия “экранируют”, не “пропускают” некоторые особенности явлений, которые мы берем в интеллектуальный оборот. Например, наш язык позволяет различать нам лишь некоторые состояния снега, тогда как в языке эскимосов насчитывается до двух десятков обозначений. А в языке индейцев нутка есть слово, обозначающее общее понятие движения камня (на русский язык, по аналогии со словом “моросит”, это можно перевести как “камнит”), и отсутствует глагол, непосредственно соответствующий нашему понятию “падать”. Мы думаем-работаем только с теми вещами, которые в состоянии называть, дать им имя.

Если вспомнить метод проб и ошибок, описанный К. Поппером, можно предположить, что любая теория, любой концепт не только разрешает и объясняет некоторые трудности, но и *создает* новые проблемы. Следовательно, любой разговор о понятиях обязательно должен преследовать цель разобраться, в чем состоят эвристические возможности концепта, что он помогает нам понять в окружающей социальной реальности, и одновременно – какие процессы он закрывает от нас, формируя шоры концептуальной заданности. Точность и правильность наших выводов не точнее инструмента, который мы используем.

В чем, на наш взгляд, состоят сильные стороны понятия социальный запас знания? Какие возможности оно предоставляет в наше распоряжение? Попробуем обобщить сказанное.

Во-первых, понятие фиксирует *коммунитарность знания*, накапливаемого обществом. При том, что формируется такое знание индивидуальными усилиями частных лиц и социальных общностей самого разного объема, оно обладает *опытной* и *коммуникативной природой*. То есть оно формируется на основании повседневного опыта людей, обмена типизациями между ними и обеспечивает социальную интегрированность личных знаний индивидов.

Во-вторых, это идея *социального распределения знания*: в разных социальных группах, в разных частях социальной и пространственной организации общества накапливаются специфический опыт и знания и сохраняются они во множестве форм. Это обусловлено биографическими ситуациями представителей тех или иных социальных групп, общностей, поколений и т.д.

Из сказанного следует третье соображение – социальное распределение знания свидетельствует о его *социальной относительности*: для любых социальных контекстов, для разных сегментов общества характерны свои специфические агломераты “реальности” и “знания”, точнее – того, что здесь и сейчас принято относить к достоверному знанию о реальности. Это означает, что в одних контекстах и ситуациях эксперт остается экспертом, но в других может оказаться последним профаном, а самый, казалось бы, некомпетентный и неадекватный персонаж превращается в профессионала.

Четвертое. Социальный запас знания формируется *методом проб и ошибок*. То есть в нем содержатся сведения не только об удачных алгоритмах, но также и о неудачах, а также о формах мышления, об основаниях и способах принятия решений, которые привели к удовлетворительным и/или неудовлетворительным итогам.

Пятое. Концепт обращает наше внимание на принципиальную важность *языка*, выполняющего функцию называния, распознавания и классификации, объективации знания, являющегося средством построения абстрактных моделей, порождения интерпретаций и формирования установок и мотивов действия.

И последнее, шестое. Концепт позволяет зафиксировать происхождение социальных конфликтов и социальных проблем, порождаемых *существованием контрреальностей и конфликтностью теорий мира*, возникающих в разных частях общества.

Теперь, следуя заявленной логике, необходимо провести инспекцию проблем и трудностей, связанных с идеей социального запаса знания. Самая главная иллюзия, которая может возникнуть при работе с этим понятием, это *иллюзия компетентности*, представление, что в этих “закромах” можно найти ответ на любой вопрос и правильное решение любой проблемы. Вместе с тем в профессиональных областях социальной жизни, например в сфере науки, теологии, политики или военного дела, специалистам приходится решать такие проблемы, для самой постановки которых в социальном запасае знания ресурсов недостаточно. Правда, понимание обыденных представлений зачастую оказывается ключевым условием решения социальных задач и исполнения проектов: невозможно проводить реформу социальных льгот без учета всего комплекса представлений тех, кого она затронет.

Вторая ошибка – это *иллюзия рациональности*, представление, что социальный запас знания представляет собой мир, подчиненный законам формальной логики: если $A > B$ и $B > C$, тогда $A > C$. Представления людей складываются в *субъективно непропорциональную картину мира*, поэтому C может оказаться лучше A потому, например, что C – привычнее, связано с моей молодостью и вообще симпатичнее. Социальный запас знания подвержен влиянию массовых фобий (ксенофобия), психологическим синдромам (желание “победоносной войны”) и, конечно же, вытеснению негативного, забыванию.

Третья иллюзия – *иллюзия неразрушимости и связности*. Общество не всегда представляет собой сообщающиеся сосуды. Здесь могут возникать коммуникативные барьеры, обусловленные кастовостью, различной скоростью ментальной динамики отдельных социальных групп и даже скоростью происходящих перемен. В динамические периоды исторического развития опыт, полученный людьми в одних сегментах общества, очень часто не успевает или не может быть воспринят в других сегментах – из-за разницы языка, специфики биографической ситуации, остроты синдромов (страх, усталость и др.), в результате чего развивается аномия – ситуация культурной и ценностной неопределенности.

И еще одна, четвертая возможная ошибка. Идея *конструирования* социальной реальности подталкивает к *волюнтаристскому* пониманию общества. То есть к представлению, что воля и повседневная деятельность людей являются более сильными факторами, влияющими на формирование обществ, чем объективные ситуации и обстоятельства. И действительно, множество человеческих поступков лучше объясняются реальными обстоятельствами действия, ситуацией, объективными причинами и обстоятельствами, нежели смыслами и когнитивными процессами, происходящими в сознании людей*. Общество и социальные институты имеют принуждающую силу и выступают в качестве объективной реальности по отношению к воле и усилиям отдельных индивидов**.

* Психологи Э.Джонс и Р.Нисбет описали этот парадокс как “фундаментальную ошибку атрибуции” – склонность объяснять результаты действия субъективными факторами и игнорировать обстоятельства, объективную ситуацию. См.: [Андреева Г.М. 2000. С. 84–89].

** С другой стороны, как показывает Э.Гидденс, они же предоставляют возможности для активности людей, для реализации инновативных проектов, выходящих за рамки привычного воспроизводства социальных практик [Гидденс Э. 2003].

Все люди – решатели проблем, а проблемы рождаются вместе с рождением жизни... Животные и даже растения приобретают знания методом проб и ошибок. Это [утверждение] имеет силу для амебы, и это имеет силу для Эйнштейна. В случае амебы любая грубая ошибка может быть устранена устранением амебы. В случае же Эйнштейна дело обстоит не так: он знает, что будет совершать ошибки, и активно ищет их. Однако неудивительно, что большинство людей унаследовали от амебы сильное нежелание как совершать ошибки, так и признавать, что они их совершили!

Карл Поппер

Если говорить в целом, концепт социальный запас знания кажется вполне работающим, открывающим определенные познавательные возможности для исследований. Например, очевидно, что исследования общественного мнения напрямую обращаются к некоторым сегментам социального запаса знания и одновременно – являются одним из инструментов его объективации. Проблемы и трудности, о которых говорилось выше, не снижают ценности этой разработки. В частности, если общество и имеет принуждающую силу в отношении индивидуальных картин мира, нужно понимать, что и картины мира могут оказаться значимой реальностью, которая, если ее игнорировать, может преподать горький урок (можно черпать множество примеров из истории революций и реформ).

Идея социального запаса знания и его конструирования с момента своего возникновения получила существенное развитие, причиной чему – множество тех самых проблем и аномалий, связанных с использованием этой концепции. Например, появилась задача изучать приемы, которыми формируются те или иные представления, – от научного факта до “одна бабка сказала”, *методологию* когнитивной деятельности, лежащей в основе различных форм знания и убеждений. Как можно описать способы хранения и задействования знания? Как осуществляется работа с информацией об этом мире? Какая разница между дискурсом и знанием, с одной стороны, и знанием и здравым смыслом – с другой? Какие механизмы обслуживают процесс конструирования социального мира? Каково соотношение коллективных практик и индивидуальных действий? Ответы очень часто приходят из смежных областей научной практики – из социальной психологии (когнитивная психология и психология социального познания) или от социолингвистики (прагматика, порождение и понимание текста, теории дискурса).

Здравый смысл подсказывает еще один вопрос: не увеличиваем ли мы энтропию нашими теоретическими изысками?

Но можем ли мы полагаться только на здравый смысл? ■

Литература

- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2003.
- Дейк Т.А. ван.* Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Познание. Коммуникация / Под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск, БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
- Литтман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Мангейм К.* Идеология и утопия / Пер. с англ. М.И. Левиной // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Поттер К.* Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Шютц А.* Хорошо информированный гражданин / Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой // Смысловая структура повседневного мира / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.
- Шютц А.* Структура повседневного мышления / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2.

* В парадигме социального конструирования реальности невозможно найти четкой и удовлетворительной проработки главного понятия – “знание”. Следуя логике исследователей, им оказывается любая форма когнитивной деятельности, любая форма содержания убеждений. Таким образом, в “знание” попадают и разные формы “не-знания”, и оно становится аналогом простого “здравого смысла”.

Язык и знание в повседневной жизни

Благодаря своей способности выходить за пределы “здесь-и-сейчас” язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое. Выходы за пределы (трансценденции) имеют пространственное, временное и социальное измерения. Благодаря языку я могу преодолеть разрыв между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого; я могу привести в соответствие мою и его биографические временные последовательности; и я могу беседовать с ним о людях и группах, с которыми у нас не было взаимодействия лицом к лицу. В результате этих трансценденций язык может “создать эффект присутствия” множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном отношении отсутствуют “здесь-и-сейчас”... Проще говоря, с помощью языка весь мир может актуализироваться в любой момент... Благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю “с самим собой” в уединенном размышлении, – весь мир может предстать передо мной. Что касается социальных отношений, язык “делает наличными” для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к моим воспоминаниям и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представляемых мной в воображении.

Язык вообще может выходить за пределы реальности повседневной жизни... Язык конструирует грандиозные системы символических представлений, возвышающиеся над реальностью жизни, подобно явлениям из иного мира.

В рамках созданных семантических полей можно объективировать, сохранять и накапливать биографи-

ческий и исторический опыт. В результате составляется социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни. Я живу в обыденном мире, имея специфические системы знания. Кроме того, я знаю, что другие разделяют по крайней мере часть этого знания и они знают, что я это знаю. Поэтому на мое взаимодействие с другими в повседневной жизни постоянно оказывает влияние наша общая причастность к доступному нам социальному запасу знания.

...Так как в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах. Например, я знаю, что я должен делать для оформления паспорта, но все, что меня интересует, – это получение паспорта по истечении определенного времени. Меня не волнует и я не знаю, какой путь проходит мое заявление при оформлении паспорта в административных службах, кем и после чего дается согласие, кто ставит печать в документе. Я не изучаю правительственную бюрократию – я лишь хочу провести каникулы за границей... *Mutatis mutandis*, значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем. Обычно я мало заинтересован в том, чтобы выходить за рамки этого практически необходимого знания, посредством которого можно решать мои проблемы.

...Социальный запас знания дифференцирует реальность. Он дает сложную и подробную информацию о тех секторах повседневной жизни, с которыми я часто имею дело, и гораздо более общую и неточ-

ную – об удаленных секторах. Моё знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантности. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Мне неважно, каким образом моя жена готовит мой любимый гуляш, если он получается хорошо. Меня не интересует то, что акции общества падают, если я не владею этими акциями... Однако поскольку во многом мои релевантные структуры пересекаются с релевантными структурами других, есть вещи, “интересующие” нас взаимно, и нам есть что сказать друг другу. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей... Я обнаруживаю, что знание в повседневной жизни социально распределено, то есть разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени... Таким образом, социальное распределение знания начинается с того простого факта, что я не знаю всего, что знают мои партнеры, и наоборот; это достигает кульминации в необычайно сложных и эзотерических системах знаний.

Знание того, как распределяется социально доступный запас знания (по крайней мере, в общих чертах), представляет собой важный элемент этого самого запаса знания. В повседневной жизни я знаю (хотя бы приблизительно), что и от кого я могу скрыть, от кого я могу получить информацию, которой не располагаю, и вообще какого рода знаний можно ожидать от разных людей. ■

П. Бергер и Т. Лукман

Социальное конструирование реальности